

© Орехова Е. Н., 2012

О СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена одному из типовых качественных субъективно-модальных значений – модальности эвиденциальности. Данное модальное значение показано в его взаимосвязях с другими функционально-семантическими и синтаксическими категориями: персуазивностью, персональностью, адресованностью. Описаны средства представления данной модальной семантики в современном русском языке. В их числе вводные слова, вводные предложения, эвиденциальные частицы, модальные фразеологизмы, союзы. Подчеркивается, что исследуемое модальное значение является важным в ситуации диалога, полемики, в научном дискурсе.

Ключевые слова: субъективная модальность, эвиденциальность, вводные слова, персональность.

© E. Orekhova, 2012

EVIDENTIAL SUBJECTIVE MODALITY

Abstract. The subject of the article is evidential subjective modality and its correlations with other semantic categories: personality, subjectivity and others. The author describes the linguistic means with which evidential subjective modality is reflected in modern Russian. Among them there are parenthetical words, parenthetical sentences, evidential particles, modal phraseological units and conjunctions. The author states that evidential subjective modality is important in debates, polemics and scientific discourse.

Key words: subjective modality, evidentiality, parenthetical words, personality.

В семантическом поле субъективной модальности выделяется шесть типовых качественных значений: ядерное значение достоверности-недостоверности, околоядерные – эмоционально-оценочное, логической оценки, контактоустанавливающее, эвиденциальное, степени обычности. Данные качественные смыслы имеют смежные зоны, а также пересекаются с полями эмотивности, оценочности, градуальности, темпоральности, персональности. Существование названных качественных смыслов учитывает характер компетенции субъекта речи, степень его осведомленности, эмоциональное состояние, стремление устанавливать контакт с собеседником, поддерживать его внимание, включать в ход собственных рассуждений и оценок, то есть прагматически обусловлено [1, с. 130–132].

Модальность эвиденциальности сближается с модальностью достоверности-недостоверности общей семей «наличие информации, подвергаемой обработке». Персуазивная семантика формируется тогда, когда говорящий анализирует объем этой информации, степень ее полноты, устанавливает причинно-следственные связи между явлениями и делает выводы. Модальность эвиденциальности – это, как правило, только указание на источник информации, что в ряде случаев связано со стремлением субъекта речи снять

с себя ответственность за неверно высказанное суждение. В классических лингвистических исследованиях выделяется «разряд модальных слов и частиц, обозначающих чужой стиль выражения, субъективную передачу чужой речи, мысли, а также оценку ее со стороны говорящего. Модальные слова и частицы этого рода являются показателями того, что воспроизводимое высказывание приписывается говорящим другому лицу» [2, 603], например:

- собеседнику: *Чувствовала его тайные чувства и Катя и однажды, во время ссоры, воскликнула: «Не понимаю, за что ты любишь меня, если, **по-твоему**, все так дурно во мне! И чего ты наконец хочешь от меня?»* (И. Бунин); *Но этот сравнительно маленький и смешной, **на ваш взгляд**, вопрос об обязательном снятии шапки – о, это совсем другое дело! Тут я не пассивно, а уже активно унижаюсь, из ищурного страха я сам, собственной рукой делаю то, что мне в высшей степени неприятно делать...* (П. Якубович);

- или лицам, не участвующим в общении: *«Не будь суров! – попросила Екатерина Ивановна. – Расследуй все. Гиляков можно отдарить чем-нибудь, извиниться. У них существует обычай — за преступление пострадавшему дают выкуп — вещи, это, **по их мнению**, серьезное наказание, так как они могут приобрести что-либо лишь ценой тяжкого труда»* (Н. Задорнов); ***Как говорят**, со своим уставом в чужой монастырь не ходят. Коли напросился на грешную службу, так терпи, милый, смири душу и не рви ее понапрасну* (В. Личутин). В приведенных примерах функция вводного компонента – обозначение авторства высказываемого суждения. Это является прагматически обусловленным: говорящий намеренно фиксирует внимание собеседника на том, что представленная мысль принадлежит не ему, однако заслуживает внимания как интересная, важная, неординарная, верная и т. д. или, наоборот, может быть оспорена.

В модальной семантике эвиденциальности особую значимость приобретает личный компонент. Указание в модусе на второе или третье лицо характеризуется большей полемической заостренностью: «это ты так считаешь» или «они это утверждают» – чем в случае указания на первое лицо.

При указании на второе лицо позиция говорящего чаще более категорична, направлена на самоутверждение, несогласие с адресатом: *Листопад не спорил, он молчал. Уздечкин перевел дыханье. «Отсюда все и вытекает. Какие у тебя основания думать, что я мало даю? Потому что работаю тихо, без звона? Мне звона не надо!» – «А что тебе надо?» – «Много надо; только не звона» – **«Так ты считаешь, что много даешь партии? Что же ты даешь?»** – «Все! – отвечал Уздечкин. – Все, абсолютно все, что имею»* (В. Панова); *«Теперь, брат, я поверю, что ты не хозяин, – сказал батюшка, озираясь кругом. – Можно ли с твоим состоянием жить в таком доме? Право, я боюсь когда-нибудь услышать, что вас с сестрой задавило». – «Эх, братец! и дед и отец жили в этом доме – даст Бог, и я проживу. Что ж, **по-твоему**, что ли, целый век строиться?»* (А. Фет). В данных примерах модальность эвиденциальности сближается с контактоустанавливающим модальным значением по наличию адресатосемы и модальностью персуазивности, так как приведенные вводные компоненты актуализируют сему «уверенность»: «я убежден, что ты ничего не даешь партии», «я уверен, что ни к чему так долго строиться».

В ряде случаев употребление экспликаторов эвиденциальности, указывающих на собеседника, развивает диалогичность, возбуждает внимание адресата, призывает его высказать собственные оценки: *«**По-твоему**, и власть одинаковая? За что же тогда воевали? Ты вот – за что воевал? За генералов? А говоришь – «одинаково»» – «Я за себя воевал, а не за генералов. Мне, если напавдок гутарить, ни те, ни эти не по совести»* (М. Шолохов); *Ваш незабвенный родитель выпускал верноподданных за рубеж сроком на полгода под залог в пятьсот рублей. Такую роскошь мог позволить себе только очень*

богатый человек. «Сколько же, по вашему мнению, брать за паспорт?» – «Пяти рублей вполне достаточно...» (В. Пикуль). Как видим, в таком диалоге, представляющем собой чередование высказываний-реплик, функция модального компонента – активизация речевой деятельности собеседника.

Употребление маркеров эвиденциальности, указывающих на третье лицо, имеет отсылочную функцию. Это типично для научной речи, является ее стилиобразующей чертой и, разумеется, определяется коммуникативной стратегией говорящего: быть объективным, ввести новую информацию, отстраниться от чьего-либо мнения или согласиться с ним, сомневаться и т. д.: *«Бог» — именно «не я», как утверждают Достоевский и Горький, «не я» и лично, и коллективно, народно. Бог – другое, небесное, т. е. вне-земное. «Пришел с неба и сказал слово», – вот суть религии и начало богопочитания* (В. Розанов); *Ослаблять убедительность показаний этой цепи не должно то обстоятельство, что большая часть форм с суффиксом -ея – имена лихорадок, имена, которые, как утверждали еще Миклошич и за ним Эд. Вольтер, пришли книжным путем* (В. Виноградов); *Если для Л.М. Лопатина материализм только нелепость, логическое недоразумение и зряшная вера, то с точки зрения С.Н. Трубецкого, он предоставляет доводы в пользу соборности сознания, а соборность сознания предполагает усвоение некоторых истин материализма* (Н. Гаврюшин). Такое употребление подчеркивает преемственный характер научных знаний или обнаруживает полемику, несогласие автора-исследователя со своими предшественниками, включает адресата речи в процесс осмысления научных фактов, явлений.

В отдельных случаях источник мысли представлен как лицо неопределенное: оно либо неизвестно субъекту речи, либо сознательно им не называется из этических соображений, соображений осторожности и пр.: *Между тем этот Ванновский, как передают, умер от потрясения, пережитого от первых японских побед, хотя в них он, уже давно не военный министр, не мог винить себя* (В. Розанов); *«А сходка-то зачем в воскресенье была?» – вдруг злобно кидал Тихон Ильич. «Сходка-то? А чума их знает! Погалдели, к примеру...» – «Знаю, о чем галдели-то!» – «Да что ж, я не таюсь... Болтали, к примеру, что вышла, мол, распоряжение... вышла будто распоряжение – никак не работать у господ по прежней цене...»* (И. Бунин).

От названных разновидностей отличаются высказывания, в которых авторство выражаемой мысли приписывается самому говорящему. Эвиденциальное значение таких предложений часто контаминируется с персуазивным:

- *Переправа кареты, кибитки и девяти лошадей продолжалась довольно долго, и я успел набрать целую кучу чудесных, по моему мнению, камешков; но я очень огорчился, когда отец не позволил мне их взять с собою, а выбрал только десятка полтора, сказав, что все остальные дрянь...* (С. Аксаков) – эвиденциальность+сомнение, кажимость;

- *«Вы напрасно извиняетесь, – вместо Престо ответил ей Гофман. – Я нарочно не прекращал съемки и совсем не считаю пленку испорченной. С моей точки зрения, этот новый вариант кадра у окна великолепен. В самом деле, смех, уничтожающий смех, который не оставляет никаких надежд, смех любимой женщины в ответ на страстное признание – разве для влюбленного он не ужаснее самых страшных мук?»* (Н. Белаяев) – эвиденциальность+уверенность;

- *«Зачем вы это сделали?» – вдруг строго спросила женщина. – Я не скрою, что рада вас видеть, но... Два года, по-моему, – срок не малый, и пора бы вам, Андрей, забыть меня и не делать больше глупостей»* (В. Пикуль) – эвиденциальность+неуверенность и т. д. Как видим, если авторство мысли говорящий приписывает себе, он одновременно осознает достаточную степень ее субъективности, допускает ее ошибочность, прибегает к развернутому обоснованию в контексте, что и сближает высказывание с персуазивным.

Таким образом, модальный смысл эвиденциальности в значительной степени взаимодействует с полем персональности и полем персуазивности, что определяет его специфику в ряду других субъективно-модальных значений.

К числу ядерных специализированных средств выражения модальности эвиденциальности относятся вводные компоненты различной структуры:

1) образованные по модели *предлог по + Дат. падеж + Род. пад. с указанием на лицо (по мнению/ по свидетельству/ по словам/ по рассказам / по описанию/ по выражению/ по преданию кого-либо и т. п.): И для читателей, по мнению рецензента, будет интереснее эта критика с общей точки зрения, потому что самая эстетика имеет для неспециалистов интерес только как часть общей системы воззрений на природу и жизнь (Н. Чернышевский); Давно уже в сердце Джованни проникли сомнения, новый мятежный дух, «бес мирского любомудрия», по выражению монаха (Д. Мережковский); данная схема может также распространяться притяжательными местоимениями: Старший, широколицый, с бледным лицом, строгими серыми глазами и едва заметной улыбкой, должен был, по моему мнению, годиться для роли отважного капитана... (А. Грин); Вот каковы эти английские журналисты-с! Мы, по их мнению, людоеды-с! Однако мы вот отбили атаку огромного их флота и заставили уж замолчать французские батареи на Рудольфе... (С. Сергеев-Ценский) – источник мысли, эксплицируемый данными единицами, представлен как определенный;*

2) соотносимые с наречиями (*по-моему, по-твоему, по-вашему*): *А-а! По-вашему, имена Бог дает; ну тогда это другое дело (Н. Лесков); Вот в чем дело. Что ж, по-твоему, я не вправе, наконец, отомстить за себя, за все, за все! (Ф. Достоевский) – источник мысли представлен как определенный;*

2) соотносимые с неопределенно-личными формами глагола (*как/говорят – как/говорили, как/передают – как/передавали, как/сказывают – как/сказывали*): *...Я не вижу на краю этого обратного умирания ничего такого, что соответствовало бы беспредельному ужасу, который, говорят, испытывает даже столетний старик перед положительной кончиной... (В. Набоков); Разве только никому не нужные фонари в поселковом парке, обошедшие государство в сорок тысяч рублей, все еще оставались грустным памятником Инофатьеву-старшему, которого, как сказывали, один большой государственный деятель так охарактеризовал: «Умом ограничен, любит власть, а пользоваться ею не умеет» (И. Шевцов) – источник информации представлен как неопределенный;*

3) соотносимые с безличными глагольными формами (*как говорится, как указывается*): *У второго мальчика, Павлуши, волосы были вклоченные, черные, глаза серые, скулы широкие, лицо бледное, рябое, рот большой, но правильный, вся голова огромная, как говорится, с пивной котел... (И. Тургенев); Но со Скворцалуповым никто один на один выйти не дерзал: боялись; а когда шла стенка на стенку, Скворцалупов лишь выжидал: был он, как сказывается, «надежда-боец» и драться лез только в последнюю самую минуту... (Б. Садовской) – источник мысли не называется, подчеркивается чужой стиль выражения;*

4) соотносимые со словами категории состояния (*как/слышно, как/известно*): *Никогда ведь еще не видали они этих варваров с берегов Ледовитого океана, одетых, как слышно, в звериные шкуры и лакомящихся сальными свечами (В. Авенариус); На приенисейских озерах рыбы было много, да, как известно, телушка стоит полушку, но перевоз-то дороговат! (В. Астафьев) – источник мысли не обозначен, но при этом высказываемое суждение не принадлежит говорящему.*

Продуктивным средством реализации эвиденциальной семантики являются вводные предложения, представляющие собой распространение некоторых из уже назван-

ных единиц: *Вышеупомянутые повести были, кажется, первым его опытом. Они, как сказывал Иван Петрович, большую часть справедливы и слышаны им от разных особ* (А. Пушкин); *Тотчас же после ужина Николаев... стал зевать и, наконец, откровенно заметил: «Господа, а что, если бы на минутку пойти поспать? «Соснуть», как говорилось в старых добрых романах»* (А. Куприн); *Как передают охотники, путешественники и зоологи, «котики» залегают там целыми косяками и лежат на солнышке, на северном мало греющем солнышке* (В. Розанов). В таких высказываниях неопределенно-личная семантика устраняется путем указания на конкретный источник сообщения или (в безличных построениях) ослабляется косвенным указанием на деятеля.

К ядерным средствам примыкают также эвиденциальные частицы *мол, дескать, -де, гыт*, подвергшиеся резкому преобразованию в связи с ослаблением лексического значения и изменением грамматической функции, связанной с субъективной передачей чужой речи («формы и значения вводных глагольных слов, указывающих или указывавших на то, что говорящий воспроизводит чужие слова, при отсутствии задерживающих условий, очень неустойчивы» [2, с. 600]: *Я было заикнулся в разговоре с секретарем райкома, что телефона нет в Веряеве, линию связи-де починить надо. А он мне: некого послать на это дело* (Б. Можаяев); *Луковникову пришлось по душе и это название: славяночка. Ведь придумает же человек словечко! У меня, мол, дочь, хоть и полька, а тоже славяночка. Одна кровь* (Д. Мамин-Сибиряк); *Так вот те сказка: день спустя, век такого не бывало, солдатёнок забрел – шапка железна, тягилый с воротником стеганный, зрю датошный, как есть! «Пусти, гыт, дедушко, на колокольну...»* (А. Чапыгин). Реализация эвиденциальной семантики этими частицами во многом обусловлена сохранением у них остатков лексических значений («разговорное мол (из молви или молвил), просторечное дескать (из де и сказать), устарелое де (из дхе = говорит), грит или гыт (= говорит)» [2, с. 600].

Продуктивна реализация эвиденциального значения фразеологическими единицами, включающими устойчивый компонент *с точки зрения*, который распространяется:

Род. падежом существительного с указанием на лицо: *По первости все забылось, а вспомнилось потом, когда Сашок зачастил в деревню, раз за разом, а Прилепа отвергла выгодного, с точки зрения матери, жениха, но было это уже после многих иных событий* (Д. Балашов); *«Жаль девочку, – сказал Ларио, проходя мимо Кати, бросавший на него nepозволительные, с точки зрения кодексов Шурки, взгляды* (Н. Гарин-Михайловский);

Род. падежом существительного абстрактной семантики: *С точки зрения общего, естественного человеческого права, каждому члену общества вверяется забота о постоянном совершенствовании существующих постановлений* (Н. Добролюбов); *Таким образом, совершенно невозможно объяснить себе, именно с точки зрения новейшей термодинамики, и вообще принимая всю науку во внимание — горения звезд иначе, как через жизнь звезд, биологичность звезд* (В. Розанов);

прилагательным: *С точки зрения эстетической, мы, хотя и озираясь с некоторым страхом, сознаем, что, к стыду нашему, нам султан турецкий нравится больше, чем «честный» европейский безбожник* (Н. Бердяев); *Обоих старых солдат по-прежнему раздражало то обстоятельство, что в хозяйской хате совершенно отсутствовала труба, принадлежность, с точки зрения человеческой, прямо-таки необходимая* (М. Алексеев);

притяжательным местоимением: *«Вся эта дискуссия, – начал инженер, – с моей точки зрения, кажется запоздалой»* (Н. Белаяев); *Он [Корнев] не хотел сам себя знать, и тем обиднее было, когда в голову лезли разные, в сущности, нелепые унижительные, даже с его точки зрения, мысли. Он знал их и сам возвращался к ним* (Н. Гарин-Михай-

ловский). Во второй и третьей группе примеров модальные компоненты сближаются с экспликаторами логической модальности, имеющими семантику добавочного сообщения, так как, помимо ссылочной функции, выполняют еще и логико-аргументирующую.

Периферию средств выражения эвиденциальности составляют:

- союзы, вводящие чужую речь и подчеркивающие ее недостоверный характер (для них реляционная функция является основной, а модальная – дополнительной): *будто, будто бы, как будто бы, якобы*: *У царя Ивана уже четыре или пять жен было и говорят, **будто бы** последнюю собираются в монастырь сослать. Хорош женишок!* (В. Софронов); *Екатерину предупредил тот же Вася Шкурин: «Поостерегись, матушка, на тебя уже собак стали вешать. В городе сказывали, **будто ты с графом Девиером милуешься**»* (В. Пикуль);

- а также омонимичные им частицы: *Это очаровательнейшее существо настолько тронуло мое сердце, что, по секрету вам сказать, я намерен вскоре на ней жениться, так что всякие разговоры о какой-то **якобы** имеющейся у меня жене мне неприятны* (М. Булгаков); *Некоторые современные исследователи объясняют переключение Горбачева на политические проблемы тем, что он, **будто бы** столкнувшись с экономическими неудачами, попытался компенсировать их «на поприще политической демократизации»* (С. Шевырев) – для частиц основным остается значение мнимости, то есть персуазивная семантика, в то же время они обязательно маркируют речь как чужую, не принадлежащую говорящему, то есть сближаются с эвиденциальными квалификаторами.

Такие переходные случаи не единичны. Языковые факты доказывают взаимодействие полей персуазивности и эвиденциальности, когда маркер эвиденциальности приобретает персуазивное значение, например: предположительности: *«Наш командир, **по-моему**, излишне доверчив. Японцы, как показывает японо-китайская война, не соблюдают общепринятых норм международного права», – вздохнул Степанов* (А. Степанов); допущения: *А большие куда я еще ходил, с кем был любезен, ласков, поищите-ка, и окажется, что ни с кем. Ходил, **дескать**, к литераторам: да это было необходимо, это своего рода служба* (И. Гончаров); мнимости: *Надо было бы соврать, ответить, что, **мол**, от купца Бердышова. Но Егор ответил, что вел казенную экспедицию* (Н. Задорнов).

В заключение подчеркнем, что специфика модальности эвиденциальности определяется подчеркнутым обозначением авторства излагаемой мысли. Эта модально-оценочная квалификация становится важной для говорящего в ситуации диалога, полемики, в научном дискурсе, то есть является прагматически обусловленной.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Лекант П.А.* Вводность – коммуникативно-прагматическая категория // Очерки по грамматике русского языка. – М.: МГОУ, 2002. – с. 130–133.
2. *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Русский язык, 2001. – 717 с.